

Содержание

Синдром Бонни и Клайда	7
Эффект Воландеморта	17
Желание	
женщины	29
От психиатра к психиатру	47
По ту сторону ужаса	53
Слово предоставляется защите	63
«Я, Элизабет...»	83
Четыре часа признаний	89
Надлом.....	94
Самый первый раз	101
Новое кредо	108
Конец секретам	112
За время процесса.....	115
Осознание.....	120
Двадцать четыре часа из жизни Элизабет	125
«Любить его было преступлением».....	132
Голубоглазый убийца	139
Мужчина, который нравился женщинам	140
Нечто очень нездоровое	146
«Я люблю ее, это женщина моей жизни»	156
Женщина прячется	161

Мадам адвокат в гневе	167
Он уже не тот, кто убивал.....	173
Свидание за решеткой	179
Потому что она надзиратель,	
потому что он заключенный.....	190
Необычные клиенты.....	193
Любовники Клерво и другие истории... ..	197
Прихоть судьбы	207
Любительница криминалистики, гангстеров... ..	213
«Когда он рассказал мне свою историю,	
я на него наорала!».....	225
Акт II, сцена 1.....	229
Законный брак.....	235
«Та, что помогает мужчинам»	239
Двадцать семь лет она спасала любимого человека! ...	241
Словно встреча после разлуки.....	257
Когда собираются тучи.....	264
Четыре года отсутствия	269
От побед к поражениям.....	282
Наконец коснуться его, взять за руку, поцеловать.....	294
Заключение	297
Благодарности	301
Примечания	303

Синдром Бонни и Клайда

Этот ритуал неизменен. Как и в любой другой день, я сижу на своем рабочем месте, которым мне служит обеденный стол, и изучаю новости, читаю прессу, ищу данные, сопоставляю информацию, нахожу подтверждение своим выводам. Одним словом — готовлюсь к ежедневной передаче «Не трожь мой телик» (*Touche pas à mon poste*, TRMP).

Телевизор включен на каком-нибудь новостном канале — BFM, CNews, LCI или France Info. Я переключаю их по настроению или если попадаетесь интересный сюжет. Мой слух всегда где-то блуждает, пока взгляд скользит по статье. Я не умею работать без звукового сопровождения — из-за многих лет, проведенных в редакциях, где тишины не существует.

Репортажи сменяют друг друга в рваном, почти завораживающем круговороте, но внезапно лицо ведущего BFM искажает смесь жадного интереса и ужаса. «А теперь перейдем к делу Нордаля Лёланде», — объявляет он, не сводя взгляда с камеры. Что заставило его сменить интонацию?

Что завладело его вниманием — это имя? Или то немного постыдное влечение к «жареным фактам», которое присуще почти всем нам? Не знаю. А пока я смотрю на экран и слушаю отчет о заседании суда присяжных по делу Нордаля Лёланде, обвиняемого в похищении и убийстве маленькой Маэлис 27 августа 2017 года. Маэлис было всего восемь лет. В мае 2021-го этот бывший кинолог уже был осужден на 20 лет лишения свободы с обязательным трудом* за убийство молодого человека — капрала Нуайе. И вот я узнаю, цепenea, что он завел себе страницу в соцсетях, а главное — что он состоял в переписке с 17-летней лицеисткой. Первый шаг сделала она...

И это не все. Лёланде признал, что, находясь в заключении, дважды вступал в сексуальные отношения с посетительницей, некой «госпожой Г.», женщиной лет пятидесяти. Сейчас она об этом сожалеет. Говорит, что злится на себя за то, что «доставляла ему радость и удовольствие — материальное, эмоциональное и сексуальное»¹. Она порвала с ним несколько месяцев назад... «Она порвала с ним». Эта фраза банальна до неприличия.

Об этой женщине мы говорили в выпуске ТРМР несколько дней назад. Должна признаться, на тот момент я не слишком вникала в ситуацию. Сейчас же всеобщий интерес вызвал эксклюзив журналиста Оли Порри Санторó (мы познакомились с ним, когда я брала у него интервью по случаю выхода его книги): ему удалось добыть аудиозапись признаний госпожи Г., где та сообщала, что Нордаль Лёланде планировал бежать и скрыться в Магрибе, сделав

* Вид уголовного наказания во Франции, не имеющий прямого соответствия в законодательстве РФ.

пластическую операцию. Это показалось мне настолько фантастическим, что я задалась вопросом, реальна ли вообще подобная связь между убийцей и его посетительницей. Она сама-то в здравом уме? Или это мифоманка* с проблемами в осознании действительности?

После передачи мы с моей коллегой и подругой на все времена Жеральдин Майе еще долго пребывали в сомнениях.

— Странная история. Ты веришь тому, что она говорит?

— Не знаю. Но то, что я слышу на записи, не дает мне покоя.

После того разговора произошло столько всего, что об этой истории я забыла. И вот существование и рассказ этой женщины подтверждает суд присяжных! Я выключаю телевизор. Воцаряется непривычная тишина. Я сижу в раздумьях. В голове теснятся вопросы. Во мне борются возмущение и непонимание. Я уже разговариваю сама с собой. Кто эта госпожа Г.? Возможно, она знала Нордаля Лёланде еще до того, как он попал за решетку. Это объясняло бы, почему она продолжала ему писать, несмотря ни на что. Возможно, она пыталась понять, как он мог совершить такое. А как бы я поступила на ее месте? Писала бы я другу, который стал убийцей? Нет, не думаю. Впрочем, не знаю. Но она-то ему не только писала... А если она его не знала, зачем начинать такие отношения? А потом еще и спать с ним? Почему именно с этим мужчиной, который дважды совершил убийство, у которого руки в крови маленькой девочки? Чего она

* Мифомания — болезненная склонность искажать действительность, лгать, рассказывать выдуманные истории.

могла ожидать в ответ? Какие слабости за этим скрываются? Должен же быть какой-то мотив! Кто она — извращенка, сумасшедшая, больная? Это слишком просто. Все это только слова. Они не объясняют ничего или почти ничего. Да, слишком просто от всего этого отмахнуться. Есть что-то еще. Много чего еще.

Я пытаюсь отогнать эти вопросы. Но вернуться к работе трудно. Часть моего сознания застряла в этой истории. Возникает мысль пойти дальше, необходимость понять. В тот же вечер я закапываюсь в интернет. Я хочу убедиться. Каков масштаб этого явления, помимо случая этой госпожи Г.? Отличает ли этих женщин что-то особенное? А может быть, и вы, и я, и ваша мать, и ваша сестра, каждая из нас — мы все можем влюбиться в самых страшных преступников? Кто эти женщины, которые испытывают интерес, сочувствие, влечение и даже любовь к мужчинам, осужденным за убийство, изнасилование, детскую порнографию? Кто эти идолопоклонницы, служащие своеобразному культу кровожадных молохов? Ощущают ли они, что им поручена какая-то миссия? Или это проявление патологии?

С каждым вопросом я чувствую, что погружаюсь в мрачные глубины параллельного мира. Уже осознаю, что выберусь из них не скоро — меня манит непостижимая тайна, нечто, чего я не понимаю, во что отказываюсь верить, что пока ускользает от меня. Передо мной разверзается бездна.

Я поглощаю все новые страницы научной литературы и статей в прессе об этом явлении, которое, похоже, в основном имеет отношение к женщинам. Такое ощущение, что женщины не боятся убийц; миф о сексуальном «плохом парне» и женщине-искупительнице все еще актуален. А вот

мужчины редко вступают на этот путь. Женщины-убийцы их не привлекают. Они деспотичны и пугают их комплексом кастрации. В то время как женщины могут довольствоваться отношениями по переписке, мало кому из мужчин этого достаточно.

Гуманитарные науки неоднократно обращали внимание на этих «влюбленных». У этой безумной страсти есть имя: гистриофилия, она же синдром Бонни и Клайда. Это парафилия², при которой человек испытывает сексуальное и эротическое влечение к кому-то, совершившему отвратительное кощунство или преступление. Означает ли это, что такие женщины страдают патологией? Нет, отвечают медики. Они совершенно необязательно «ненормальные» или «больные», как поторопились бы сказать некоторые. Зачастую они прекрасно интегрированы в общество, образованны, у них есть работа, муж, дети, нет никаких «травм» — и все же они рушат свою жизнь ради отношений, не вписывающихся ни в какие нормы. У других эта схема сложнее, она состоит из опыта насилия, неустроенного детства в оковах депрессии и одиночества. Так что тема сложнее, чем кажется на первый взгляд. Меня не устраивает манихейский ответ — либо белое, либо черное; это невозможно. Мы находимся в серой зоне.

Спустя несколько дней, погрузившись в протоколы процессов и статьи, обнаруживаю, что это явление, которое я считала преимущественно американским, существует повсюду в мире, в частности в Европе. Некоторые женщины довольствуются письмами, другим необходимо идти дальше. Так я создаю своего рода кунсткамеру ужасов. Мое смятение растет с каждым новым открытием...

Андерс Брейвик, норвежский массовый убийца крайне правых взглядов, который 22 июля 2011 года убил более 77 молодых людей и ранил еще 150, получает около 800 писем в месяц! В Бельгии Марк Дютру, приговоренный к пожизненному заключению в 2004 году за убийства и изнасилования несовершеннолетних, похищение людей, преступный сговор и распространение наркотиков — ни более ни менее! — также получает огромное количество почты, где попадают письма девочек-подростков, нередко ровесниц его жертв. Плюс предложения руки и сердца, которые приходят к «убийце в восточном Париже» Ги Жоржу³ и убийце и насильнику Патрису Алегру⁴.

Пожалуй, один из самых показательных случаев — Лука Маньотта, «монреальский расчленитель». Притом что он открытый гомосексуал, его «фан-клуб» в основном состоит из молодых женщин. В их блогах с названиями «Лукаманьоттамоямечта» или, скажем, «Поддержим Маньотту» попадают просто сумасшедшие фото и заявления: «Люблю тебя, Лука», «Слишком прекрасен», «Он слишком красив, чтобы быть преступником», «Я влюбилась, как школьница», «Люблю тебя, мой малыш» (*sic*) и т.д. В 2014 году Лука Маньотта даже зарегистрировался на сайте знакомств! В анкете он заявляет, что ищет «своего принца, холостого мужчину 28–38 лет, белого, в хорошей спортивной форме. Хочу, чтобы он был верным, желательно образованным, финансово и эмоционально стабильным, для долгосрочных отношений»⁵. У меня буквально все переворачивается внутри.

Другие женщины идут намного дальше, предпочитая реальность отношениям по переписке — в конце концов, они слишком платонические. Так было с той молодой

американкой 30 лет, помолвленной со зловещим Чарльзом Мэнсоном⁶, старше ее на 50 лет, или с женщиной-анестезиологом из Франции, Беатрис Пуассан, матерью двух подростков, которая бросила все ради Дани Лёпреуса, осужденного за убийство четырех членов семьи. Впоследствии она вышла за него замуж. Сейчас они разведены, но она убеждена в его невиновности⁷.

Я также обнаружила, что в США, в отличие от Франции, романтическую жизнь сидящим в тюрьме облегчают совершенно легальные сайты знакомств, соединяющие женщин и заключенных — в том числе тех, кто гниет в камере смертников. Существуют даже приложения, которые можно установить на телефон! Во Франции ничего подобного нет. Если вы хотите написать заключенному, у вас два варианта: либо по его делу ведется следствие, и тогда судьбу вашего письма решает судья, либо он уже осужден, тогда руководство исправительного учреждения читает всё и определяет, передавать ли ему ваше послание.

Психологи не преминули обратить внимание на этих «странных дамочек», пытаясь понять их с помощью поведенческого анализа. По их мнению, предположительно, существует три типа женщин, влюбляющихся в преступников.

Первый психотип — женщина, верящая в прощение и искупление. Это то, что обычно называется эффектом Флоренс Найтингейл. Она альтруистична и хочет исцелить душевные раны. Она видит себя той, кто, благодаря своему терпению и преданности, поможет мужчине измениться, вернуться на путь истинный. Одним словом, это такая встреча добра и зла, битва ангела и демона.

Второй тип — женщина, страдающая от эмоционального одиночества, пережившая травмы, физическое, а то и сексуальное насилие. Такой роман может избавить ее от статуса жертвы — она меняет роль. Становится той, кто сам может контролировать другого. Такие отношения успокаивают ее, потому что преступник находится за решеткой. Таким образом она может переживать любовное волнение в полной безопасности. Она полагает, что защищена.

Наконец, третий тип — женщина, страдающая патологическим расстройством. Она ищет преступника из числа серийных убийц, насильников и т.д., чтобы привлечь внимание к себе. Хочет оказаться в свете прожекторов, даже пропущенном через призму антигероя. По сути, отношения для нее лишь предлог для удовлетворения потребности «быть хоть кем-то».

Три психотипа — и это всё? Да неужели? Слишком просто было бы этим ограничиться! Надо заметить, что человек — это такое тесто, из которого можно слепить что угодно. В этом его сила и его бесконечная сложность.

А значит, к этим трем категориям нужно добавить подкатегории, также три. Начнем с женщины, верящей в невиновность убийцы: первая пребывает в отрицании. Далее та, кто признает преступление, но выступает за смягчающие обстоятельства: это не его вина, он был пьян, одурманен, находился под чужим влиянием, у него было трудное детство и т.д. Наконец, та, кто принимает мужчину и его преступления: с этим надо просто смириться.

Меня завораживает то, что я узнаю. Теперь я все вечера напролет раскапываю сайты знакомств для американских

заклученных, изучаю публикации криминологов и психиатров, читаю рассказы — всегда анонимные и часто отрывочные — тех, кто уступил «ангелу тьмы»...

Я знаю, что на этом не остановлюсь. Мне нужно идти дальше. Провести исследование, написать книгу. Я обсуждаю это с моим партнером, он обеспокоен: «Ты уверена, что хочешь в это влезать?» Он знает, что такие исследования небезобидны, что я впитываю информацию как губка, что история этих женщин перетрясет мне сознание, а возможно, и душу. Я все это осознаю. Но желание разобраться сильнее.

Надо обсудить это с издательницей, чей острый глаз и талант хорошо мне знакомы. Она-то мне и скажет, права ли я, что пускаюсь в подобную авантюру. Договариваюсь с Изабель Сапорта, генеральным директором издательства Fayard. Мы встречаемся в баре на улице Монпарнас.

— Да, дорогая, что ты мне хотела рассказать? У тебя появилась идея для книги? Слушаю тебя.

Я рассказываю ей обо всем: зародившаяся перед экраном телевизора идея, мои исследования, французы, американцы, письма, комнаты для свиданий, сайты знакомств, категории женщин, определенные психологами... Говорю быстро, вываливаю все кучей, вперемешку. Изабель внимательно слушает. Выдерживает крошечную паузу и восклицает:

— Отлично! У тебя есть тема и будет исследование! Но учти, здесь придется пахать...

Я натурально приплясываю на тротуаре, уходя от нее, но через несколько метров меня охватывает тревога. Что я наделала? По ее словам, тут непаханое поле работы. Я прикидываю масштаб задачи: куда идти, с кем встречаться.

А со мной вообще согласятся говорить? Все до единой истории, которые я до сих пор читала, были анонимными и крайне отрывочными. Но если у меня получится — вот это будет подвиг! Меня охватывает паника. И это только начало. Я стою перед Эверестом, которого до сих пор не замечала. Мне понадобится изрядное мужество, выносливость и упорство, чтобы взойти на вершину, обойдя стороной пропасти и отвесные склоны.

Эффект Воландеморта

— **Т**ак, значит, вас интересуют эти истории... Но зачем вам интервью, что вы с ним будете делать?

— Я уже объясняла — оно для моей книги.

— Ага, понятно...

Обходительный криминолог Ален Бауэр, загадочно ухмыляясь, сканирует меня взглядом, словно всем своим видом говоря: «В странные дела вы лезете, дамочка... Может и силенок не хватить...» Я могла бы ответить ему, что это не что иное, как законное любопытство журналиста, который вправе задавать вопросы и стараться понять, да и просто информировать. Но сейчас речь не об этом. Сейчас мне нужны конкретика, цифры, исследования. Хочу разумного объяснения, если в этой области оно вообще возможно. Одним словом — фактов, и ничего, кроме фактов.

Итак, я решила не искать вслепую и обратилась к этому известному преподавателю криминологии⁸, автору около 40 работ — от «Криминологии для чайников» и «Самых тупых преступников в истории» до «Общего введения в криминологию». Вот кто сможет дать мне надежный фундамент

для исследования и подробно рассказать об этих ненормальных отношениях, этом синдроме Бонни и Клайда.

Я не ошиблась. Он начал со... статистики. Да-да, статистики. А я ее так и не нашла, хотя вот уже несколько недель изучала десятки статей и исследований. Он единственный человек, который может мне об этом рассказать.

Что касается статистики, которую он сам назвал несколько специфической, то она относилась к почте, поступающей в тюрьмы. Было установлено, что три четверти писем подписано женщинами, влюбившимися в заключенных. И только четверть написана мужчинами, неравнодушными к правонарушительницам. «Эта статистика, — уточняет Ален Бауэр, — не учитывает гомосексуальные отношения — геев и лесбиянок, потому что в то время их не принимали во внимание. И все же можно сказать, что эти письма в тюрьмы — действительно показатель, заслуживающий внимания».

Значит, я была права. На самом деле это явление затрагивает в основном женщин. Пусть так. Но что такого особенного есть у женщин, чего нет у мужчин? Разве женское желание отличается от мужского? Это же устаревший штамп, разве не так? Но факты налицо. Женщины пишут преступникам в десять раз чаще, чем мужчины.

Ален Бауэр затрагивает и еще одну тему — связь заключенных с персоналом тюрем, а также со всеми женщинами, которые контактируют с ними по роду деятельности: тюремными медсестрами, преподавательницами, адвокатами... Он прав. Мне нужно будет изучить и это направление. Воистину, чем дальше я продвигаюсь, тем больше возникает вопросов. Но разве не в любом расследовании открываются

новые двери, даже если часть из них никуда не ведет и их приходится в итоге закрывать?

А что он думает насчет трех типичных профилей? И снова криминолог соглашается и развивает тему: «Да, существует три синдрома, психологи их изучили. Первый — синдром Бонни и Клайда: “Хочу быть плохой девчонкой!” Это синдром отличницы, пустившейся во все тяжкие на пьяной вечеринке. Второй — так называемый эффект Флоренс Наятингейл⁹: “Я спасу его. Благодаря мне для него возможно искупление”. Разумеется, в итоге все получается иначе, так как спасение также ведет к побегу, отправке посылок, передаче документов, которые позволяют продолжать преступную деятельность».

Что до третьей категории, Ален Бауэр предпочитает говорить о ряде мини-синдромов, не вполне четко определенных, таких как своеобразный реванш над самой собой, к которому могут стремиться некоторые женщины, подвергавшиеся агрессии, в том числе сексуальной. Вступая в связь с преступником, который «выше» их агрессора, они чувствуют, что оживают сами. «Этот синдром еще не до конца определен. О нем пишет американский автор Шейла Айзенберг»¹⁰, — объясняет Ален Бауэр. По ее мнению, это желание избавиться от статуса жертвы, чтобы в некотором роде обрести статус сообщницы и больше не быть униженной сексуальной или иной агрессией. Конечно, это не объясняет все подобные поступки, но позволяет лучше понять явление.

С самого начала беседы меня мучит вопрос: неужели все женщины способны влюбиться в преступника? Вот, например, я... Не успеваю я закончить фразу, а Ален Бауэр уже

улыбается: «Конечно. Возьмем, к примеру, вашу передачу: когда ваши коллеги голосуют, все понятно: вот у вас экраны, вы видите разброс голосов и варианты объяснений. Если бы вы задали такой вопрос о разных типах заключенных — знаете, вам понадобилось бы гораздо больше вариантов ответов. И вы, что вполне естественно, получили бы очень неожиданные результаты, особенно среди знакомых. Например, вопрос не в том, “влюбилась бы ты в Нордаля Лёланде”; вы спрашиваете: “Ты бы посетила тюрьму?” или “Можно ли их спасти?” — и опять-таки получаете очень неожиданные ответы».

Возможно. Я знаю, что способна к сопереживанию, восприимчива к чужим эмоциям. Мне понятен этот дискурс. Я знаю, что теоретически могу растаять при виде руки, протянутой за помощью. Но сама по себе я не брошусь ни с того ни с сего хватать ручку, писать страстное письмо и посылать его серийному убийце! Ален Бауэр отвечает мягко, словно не хочет напугать больного ребенка: «Вы сами не знаете... Несколько недель назад вы делали передачу об актере, которого обвиняют в изнасиловании, — видели реакцию на вашей же платформе? “Он такой симпатяга... Мы его знаем... Милый... Забавный... Сексуальное насилие? Нет, не могу поверить”. А на самом деле это, возможно, опаснейший сексуальный хищник за последние 20 лет... Или же он вовсе не виновен! Лично я из принципа ни о чем не составляю мнения заранее, мой девиз — “Ничего не принимай как данность, ничему не верь, все проверяй”¹¹. И только потом можно прийти к какому-то выводу. Даже с худшим из убийц никогда нельзя быть уверенным. Всегда нужно изучать, исследовать. В нашем случае может быть то же самое: кто-то сомневается, кто-то все отрицает... Возьмем

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru